

«ПСИХОЛОГИЯ НАРОДОВ И МАСС»

(В сокращении)

Автор

© Лебон Г.

Источник:

Г.Лебон "Психология народов и масс", М.: АСТ, 2000г.
<http://www.xpomo.com/ruskolan/toipa/lebon.htm>

Из текста убраны некоторые циточки рассуждений, исторические примеры и цитаты других авторов.

Оставлены основополагающие выводы философа, позволяющие составить впечатление о всей книге и познакомиться с основами психологии толпы, народо в и рас. Книга Лебона представлена на многих интернет-сайтах, но далеко не все хотят или имеют возможность прочитать её целиком. Представленный укороченный вариант поможет восполнить этот пробел.

Итак, посредством просвещения и учреждений нужно приступить к осуществлению современной мечты о равенстве. С их помощью мы стараемся, исправляя несправедливые законы природы, отлить в одну форму мозги негров из Мартиники, Гваделупы и Сенегала, мозги арабов из Алжира и наконец мозги азиатов. Конечно, это - совершенно неосуществимая химера, но разве не постоянная погоня за химерами составляла до сих пор главное занятие человечества? Современный человек не может уклониться от закона, которому подчинялись его предки.

Каждая раса обладает столь же устойчивой психической организацией, как ее анатомическая организация.

Моральные и интеллектуальные особенности, совокупность которых выражает душу народа, представляют собой синтез всего его прошлого, наследство всех его предков и побудительные причины его поведения. У отдельных индивидуумов той же расы они кажутся столь же изменчивыми, как черты лица; но наблюдение показывает, что большинство индивидуу-

мов этой расы всегда обладает известным количеством общих психологических особенностей, столь же прочных, как анатомические признаки, по которым классифицируются виды. Как и эти последние, психологические особенности воспроизводятся наследственностью с правильностью и постоянством.

Что бы человек ни делал, он всегда и прежде всего - представитель своей расы. Тот запас идей и чувств, который приносят с рождением на свет все индивидуумы одной и той же расы, образует душу расы. Невидимая в своей сущности, эта душа очень видима в своих проявлениях, так как в действительности она управляет всей эволюцией народа.

Исследуя один за другим различные факторы, способные действовать на психический склад народов, мы можем всегда констатировать, что они действуют на побочные и непостоянные стороны характера, но нисколько не задевают его основных черт, или задевают их лишь путем очень медленных наследственных накоплений.

Вообще можно сказать, что величие народов зависит главным образом от уровня их нравственности.

Вековые столкновения рас имеют главным своим основанием непримиримость их характеров.

Ничего нельзя понять в истории, если не имеешь постоянно в виду, что различные расы не могут ни чувствовать, ни мыслить, ни поступать одинаковым образом, ни, следовательно, понимать друг друга. Без сомнения, различные народы имеют в своих языках общие слова, которые они считают синонимами, но эти общие слова будят у тех, которые их слушают, совершенно несходные чувства, идеи,

ТЕМЫ "АНАЛИТИКА"

- ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА
- НКО И ВЛАСТЬ
- ОБРАЗ ЖИЗНИ
- ПРОПАГАНДА
- МАРКЕТИНГОВЫЕ СТРАТЕГИИ
- ОБРАЗОВАНИЕ

Эта статья является частью результатов исследований специалистов Центра «Аналитик».

© АНО ЦЕНТР «АНАЛИТИК» 2011

способы мышления. Нужно пожить с народами, психический склад которых чувствительно отличается от нашего, даже выбирая между ними только лиц, говорящих на нашем языке и получивших наше воспитание, чтобы понять глубину пропасти, существующей между психическим складом различных народов.

Эта пропасть между психическим складом различных рас и объясняет нам, почему высшим народам никогда не удавалось заставить низшие принять их цивилизацию. Столь еще распространенное мнение, что образование может осуществить подобное дело, - одна из печальнейших иллюзий, какую когда-либо создали теоретики чистого разума.

Без сомнения, сильно различающиеся между собой расы, например, белая и черная, могут смешиваться, но рождающиеся от них метисы образуют значительно низшую расу в сравнении с теми, от которых она происходит, и совершенно неспособную создать или даже поддержать какую бы то ни было цивилизацию. Влияние противоположных наследственностей разлагает их нравственность и характер. Когда метисы случайно наследуют (как в Сан-Доминго) высшую цивилизацию, эта цивилизация быстро приходит в состояние плачевного упадка. Скрещивания могут быть элементом прогресса только среди высших рас, достаточно близких друг к другу, таковы англичане и немцы Америки. Но они составляют всегда элемент вырождения, когда эти расы, будучи даже высшими, слишком различаются между собой.

Все страны, заключающие в себе слишком большое число метисов, по одной только этой причине обречены на постоянную анархию, если только ими не будет управлять железная рука.

Раздоры и междоусобные войны всегда отличались тем большей интенсивностью, чем различнее были соприкасавшиеся между собой расы. Когда они слишком несходны между собой, становится совершенно невозможным заставить их жить под одними учреждениями и одними законами.

Без предварительного знания душевного склада народа история его кажется каким-то хаосом событий, управляемых

одной случайностью. Напротив, когда душа народа нам известна, то жизнь его представляется правильным и фатальным следствием из его психологических черт. Во всех проявлениях жизни нации мы всегда находим, что неизменная душа расы сама тклет свою собственную судьбу.

... Народ не может избавиться от того, что вы-

текает как следствие из его душевного склада; и если ему это удастся, то в очень редкие моменты - так песок, поднятый бурей, кажется, освободился на время от законов тяготения. По нашему мнению, верить, что формы правления и конституции имеют определяющее значение в судьбе народа - значит предаваться детским мечтам. Только в нем самом находится его судьба, но не во внешних обстоятельствах. Все, что можно требовать от правительства, - это то, чтобы оно было выразителем чувств и идей народа, управлять которым оно призвано.

Нет в настоящее время ни одного народа, который бы имел национальное искусство, и каждый в архитектуре, как в скульптуре, живет только более или менее удачными копиями с отдаленных времен.

Каждая эстетика являет собой идеал прекрасного известной эпохи и известной расы, и в силу одного того, что эпохи и расы бывают различные, и идеал прекрасного должен постоянно меняться.

Без сомнения, всякому известно, что все великие религии, браманизм, буддизм, христианство, ислам, вызвали массовые обращения среди целых рас, которые формально сразу их приняли; но когда углубляешься немного в изучение этих обращений, то сразу можно заметить, что если и переменили что-нибудь народы, то только название своей старой религии, а не самую религию; что в действительности принятые верования подверглись изменениям, необходимым для того, чтобы примкнуть к старым верованиям, которым они пришли на смену и по отношению к которым были только простым продолжением.

Изменения, испытываемые верованиями при переходе от одного народа к другому, часто бывают даже столь значительны, что вновь принятая религия не имеет никакого видимого родства с той, название которой она сохраняет.

Различные расы не могут долгое время говорить на одном и том же языке. Случайности завоеваний, коммерческих интересов могут, без сомнения, заставить какой-нибудь народ принять чужой язык вместо своего родного, но в течение немногих поколений заимствованный язык совершенно преобразуется. Преобразование будет тем глубже, чем раса, у которой язык был заимствован, сильнее отличается от той, которая его заимствовала.

... Расовая душа, руководящая судьбой народов, руководит также их верованиями, учреждениями и искусством; какой бы элемент цивилизации мы ни изучали, мы всегда найдем ее в нем.

Она - единственная сила, которой никакая другая не может превозмочь. Она представляет собой тяжесть тысяч поколений, синтез их мысли.

Убежденный человек, над которым господствует какая-нибудь идея, религиозная или другая, не приступен для рассуждений, как бы основательны они ни были. Все, что он может попробовать, это ввести путем искусственных мыслительных приемов и часто путем очень больших искажений опровергающую его мысль в круг господствующих над ним понятий.

Когда после более или менее долгого периода блужданий, переделок, пропаганды какая-нибудь идея приобрела определенную форму и проникла в душу масс, то она образует догмат, т.е. одну из тех абсолютных истин, которые уже не оспариваются. Она составляет тогда часть тех общих верований, на которых держится существование народов.

Изучение цивилизаций показывает, что в действительности только очень незначительной кучке избранных мы обязаны всеми завоеванными успехами.

Храбрость, инициатива, энергия, дух предприимчивости и различные качества характера, очень медленно приобретаемые, могут изгладиться довольно быстро, раз им не представляется больше повода упражняться. Этим объясняется тот факт, что какому-нибудь народу всегда нужно очень долгое время, чтобы подняться на высокую ступень культуры, и иногда очень короткое время, чтобы упасть в пропасть вырождения.

Раса обладает почти столь же устойчивыми психологическими признаками, как и ее анатомические признаки.

Как и анатомический вид, психологический изменяется только после многовековых накоплений.

К устойчивым и наследственным психологическим признакам, сочетание которых образует психический склад расы, присоединяются, как и у анатомических видов, побочные элементы, созданные различными изменениями среды. Беспреданно возобновляемые, они оставляют расе широкий простор для внешних изменений.

Психический склад расы представляет собой не только синтез составляющих ее живых существ, но в особенности - синтез всех предков, способствовавших ее образованию. Не только живые, но и мертвые играют преобладающую роль в современной жизни какого-нибудь народа. Они творцы его морали и бессознательные двигатели его поведения.

Очень большие анатомические различия, разделяющие различные человеческие расы, сопровождаются не менее значительными психологическими различиями. Когда сравниваешь между собой средние каждой расы, психические различия кажутся часто довольно слабыми. Они становятся громадными, лишь только мы распространяем сравнение на высшие элементы каждой расы. Тогда можно заметить, что главным отличием высших народов от низших служит то, что первые выделяют из своей среды известное число очень развитых мозгов, тогда как у вторых их нет.

Индивиды, составляющие низшие расы, имеют между собой очевидное равенство. По мере того как расы поднимаются по лестнице цивилизации, их члены стремятся все больше различаться между собой. Неизбежный результат цивилизации - дифференциация индивидов и рас. Итак, не к равенству идут народы, но к большему неравенству.

Жизнь какого-нибудь народа и все проявления его цивилизации составляют простое отражение его души, видимые знаки невидимой, но очень реальной вещи. Внешние события образуют только видимую поверхность определяющей их скрытой ткани.

Ни случай, ни внешние обстоятельства, ни в особенности политические учреждения не играют главной роли в истории какого-нибудь народа.

Различные элементы цивилизации какого-нибудь народа, будучи только внешними знаками его психического склада, выражением известных способов чувствования и мышления, свойственных данному народу, не могут передаваться без изменений народам совершенно иного психического склада. Передаваться могут только внешние, поверхностные и не имеющие значения формы.

Глубокие различия, существующие между психическим складом различных народов, приводят к тому, что они воспринимают внешний мир совершенно различно. Из этого вытекает то, что они чувствуют, рассуждают и действуют совершенно различно и что между ними существует разногласие по всем вопросам, когда они приходят в соприкосновение друг с другом. Большая часть войн, которыми полна история, возникла из этих разногласий. Завоевательные, религиозные и династические войны всегда были в действительности расовыми войнами.

Скоплению людей различного происхождения удается образовать расу, т.е. сформировать в себе коллективную душу, только тогда, когда путем повторяющихся веками скрещиваний и одинако-

вой жизнью в тождественной среде оно приобрело общие чувства, общие интересы, общие верования.

Наблюдая большинство поступков толпы, мы видим, что они чаще всего служат выражением ее замечательно низкого умственного уровня. Но есть такие случаи, когда действиями толпы руководят, по-видимому, таинственные силы, называвшиеся в древности судьбой, природой, провидением и теперь именуемые голосом мертвых. Мы не можем не признавать могущества этих сил, хотя совершенно не знаем их сущности. Иногда кажется, что в недрах наций находятся скрытые силы, руководящие их действиями. Что может быть, например, более сложным, более логичным и удивительным, нежели язык народа?

Впрочем, говоря по правде, все властители мира, все основатели религий или государств, апостолы всех верований, выдающиеся государственные люди и, в сфере более скромной, простые вожди маленьких человеческих общин всегда были бессознательными психологами, инстинктивно понимающими душу толпы и часто - очень верно. Знание психологии толпы составляет в настоящее время последнее средство, имеющееся в руках государственного человека, - не для того, чтобы управлять массами, так как это уже невозможно, а для того, чтобы не давать им слишком много воли над собой.

Только вникая глубже в психологию масс, можно понять, до какой степени сильна над ними власть внушенных идей. Толпами нельзя руководить посредством правил, основанных на чисто теоретической справедливости, а надо отыскивать то, что может произвести на нее впечатление и увлечь ее.

Исчезновение сознательной личности и ориентирование чувств и мыслей в известном направлении - главные черты, характеризующие толпу, вступившую на путь организации, - не требуют постоянного и одновременного присутствия нескольких индивидов в одном и том же месте. Тысячи индивидов, отделенных друг от друга, могут в известные моменты подпадать одновременно под влияние некоторых сильных эмоций или какого-нибудь великого национального события и приобретать, таким образом, все черты одухотворенной толпы.

Элементы бессознательного, образующие душу расы, именно и являются причиной сходства индивидов этой расы, отличающихся друг от друга главным образом элементами сознательного, - тем, что составляет плод воспитания или же результат

исключительной наследственности. Самые несходные между собой по своему уму люди могут обладать одинаковыми страстями, инстинктами и чувствами; и во всем, что касается чувства, религии, политики, морали, привязанностей и антипатий и т.п., люди самые знаменитые только очень редко возвышаются над уровнем самых обыкновенных индивидов. Между великим математиком и его сапожником может существовать целая пропасть с точки зрения интеллектуальной жизни, но с точки зрения характера между ними часто не замечается никакой разницы или же очень небольшая.

В толпе может происходить накопление только глупости, а не ума. "Весь мир", как это часто принято говорить, никак не может быть умнее Вольтера, а наоборот, Вольтер умнее, нежели "весь мир", если под этим словом надо понимать толпу.

Исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действия внушенные идеи - вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует.

Таким образом, становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе - это варвар, т.е. существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости, но так же и к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку, сходство с которым еще более усиливается тем, что человек в толпе чрезвычайно легко подчиняется словам и представлениям, не оказавшим бы на него в изолированном положении никакого влияния, и совершает поступки, явно противоречащие и его интересам, и его привычкам. Индивид в толпе - это песчинка среди массы других песчинок, вздымаемых и уносимых ветром.

Различные импульсы, которым повинуются толпа, могут быть, смотря по характеру возбуждения, великодушными или свирепыми, героическими или трусливыми, но они всегда настолько сильны, что никакой личный интерес, даже чувство самосохранения, не в состоянии их подавить.

Так как возбудители, действующие на толпу, весьма разнообразны и толпа всегда им повинуются, то отсюда вытекает ее чрезвычайная изменчивость. Вот почему мы видим, что толпа может вне-

запно перейти от самой кровожадной жестокости к великодушию и выказать даже при случае самый абсолютный героизм. Толпа легко становится палачом, но так же легко она идет и на мученичество. Из ее недр лились те потоки крови, которые нужны были для того, чтобы восторжествовала какая-нибудь вера. Незачем обращаться к героическому веку для того, чтобы увидеть, на что способна толпа именно с этой точки зрения. Толпа никогда не дорожит своей жизнью во время возмущения, и еще очень недавно один генерал (Буланже?), внезапно сделавшийся популярным, легко мог бы найти сотни тысяч человек, готовых умереть за его дело, если бы он только того потребовал.

Толпа не только импульсивна и изменчива; как и дикарь, она не допускает, чтобы что-нибудь становилось между ее желанием и реализацией этого желания. Толпа тем менее способна допустить это, что численность создает в ней чувство непреодолимого могущества. Для индивида в толпе понятия о невозможности не существует. Изолированный индивид сознает, что он не может один поджечь дворец, разграбить магазин, а если даже он почувствует влечение сделать это, то легко устоит против него. В толпе же у него является сознание могущества, доставляемого ему численностью, и достаточно лишь внушить ему идеи убийства и грабежа, чтобы он тотчас же поддался искушению. Всякое неожиданное препятствие будет уничтожено толпой со свойственной ей стремительностью, и если бы человеческий организм допускал неослабевающее состояние ярости, то можно было бы сказать, что нормальное состояние толпы, наткнувшейся на препятствие, - это ярость.

В раздражительности толпы, в ее импульсивности и изменчивости, так же как и во всех народных чувствах, которые мы будем рассматривать далее, всегда проявляются основные черты расы, образующие неизменную почву, на которой развиваются все наши чувства. Блуждая всегда на границе бессознательного, легко подчиняясь всяким внушениям и обладая буйными чувствами, свойственными тем существам, которые не могут подчиняться влиянию рассудка, толпа, лишённая всяких критических способностей, должна быть чрезвычайно легковерна. Невероятное для нее не существует, и это надо помнить, так как этим объясняется та необычная легкость, с которой создаются и распространяются легенды и самые неправдоподобные рассказы.

Не обязательно толпа должна быть многочисленна, чтобы способность видеть правильно то, что происходит перед нею, была бы в ней уничтожена, и чтобы место реальных фактов заступили галлюцинации, не имеющие с ними никакой связи. Как только несколько индивидов соберутся вместе, то они уже составляют толпу, даже в таком случае, если они - выдающиеся ученые.

Каковы бы ни были чувства толпы, хорошие или дурные, характерными их чертами являются односторонность и преувеличение. В этом отношении, как и во многих других, индивид в толпе приближается к примитивным существам.

Односторонность и преувеличение чувств толпы ведут к тому, что она не ведаёт ни сомнений, ни колебаний. Как женщина, толпа всегда впадает в крайности. Высказанное подозрение тотчас превращается в неоспоримую очевидность. Чувство антипатии и неодобрения, едва зарождающееся в отдельном индивиде, в толпе тотчас же превращается у него в самую свирепую ненависть.

Сила чувств толпы еще более увеличивается отсутствием ответственности, особенно в толпе разнокалиберной.

Уверенность в безнаказанности, тем более сильная, чем многочисленнее толпа, и сознание значительного, хотя и временного, могущества, доставляемого численностью, даёт возможность скопищам людей проявлять такие чувства и совершать такие действия, которые невозможны для отдельного человека. В толпе дурак, невежда и завистник освобождаются от сознания своего ничтожества и бессилия, заменяющегося у них сознанием грубой силы, преходящей, но безмерной. К несчастью, преувеличение чаще обнаруживается в дурных чувствах толпы, атавистическом остатке инстинктов первобытного человека, которые подавляются у изолированного и ответственного индивида боязнью наказания. Это и является причиной легкости, с которой толпа совершает самые худшие насилия.

Обладая преувеличенными чувствами, толпа способна подчиняться влиянию только таких же преувеличенных чувств. Оратор, желающий увлечь ее, должен злоупотреблять сильными выражениями. Преувеличивать, утверждать, повторять и никогда не пробовать доказывать что-нибудь рассуждениями - вот способы аргументации, хорошо известные всем ораторам публичных собраний. Толпа желает видеть и в своих героях такое же преувеличение чувств; их кажущиеся качества и добродетели всегда должны быть увеличены в раз-

мерах.

... Одного факта участия в толпе достаточно для немедленного и значительного понижения интеллектуального уровня.

Толпе знакомы только простые и крайние чувства; всякое мнение, идею или верование, внушенные ей, толпа принимает или отвергает целиком и относится к ним или как к абсолютным истинам, или же как к столь же абсолютным заблуждениям. Так всегда бывает с верованиями, которые установились путем внушения, а не путем рассуждения. Каждому известно, насколько сильна религиозная нетерпимость и какую деспотическую власть имеют религиозные верования над душами.

Не испытывая никаких сомнений относительно того, что есть истина и что - заблуждение, толпа выражает такую же авторитетность в своих суждениях, как и нетерпимость. Индивид может перенести противоречие и оспаривание, толпа же никогда их не переносит. В публичных собраниях малейшее прекословие со стороны какого-нибудь оратора немедленно вызывает яростные крики и бурные ругательства в толпе, за которыми следуют действия и изгнание оратора, если он будет настаивать на своем. Если бы не мешающее присутствие агентов власти, то жизнь спорщика весьма часто подвергалась бы опасности.

Авторитетность и нетерпимость представляют собой такие определенные чувства, которые легко понимаются и усваиваются толпой и так же легко применяются ею на практике, как только они будут ей навязаны. Массы уважают только силу, и доброта их мало трогает, так как они смотрят на нее как на одну из форм слабости. Симпатии толпы всегда были на стороне тиранов, подчиняющих ее себе, а не на стороне добрых властителей, и самые высокие статуи толпа всегда воздвигает первым, а не последним. Если толпа охотно топчет ногами повергнутого деспота, то это происходит лишь оттого, что, потеряв свою силу, деспот этот уже попадает в категорию слабых, которых презирают, потому что их не боятся. Тип героя, дорогого сердцу толпы, всегда будет напоминать Цезаря, шлем которого прельщает толпу, власть внушает ей уважение, а меч заставляет бояться.

Верить в преобладание революционных инстинктов в толпе - это значит не знать ее психологии. Нас вводит тут в заблуждение только стремительность этих инстинктов. Взрывы возмущения и стремления к разрешению всегда эфемерны в толпе. Толпа слишком управляется бессознательным и поэтому слишком подчиняется влиянию вековой

наследственности, чтобы не быть на самом деле чрезвычайно консервативной. Предоставленная самой себе, толпа скоро утомляется своими собственными беспорядками и инстинктивно стремится к рабству. Самые гордые и самые непримиримые из якобинцев именно-то и приветствовали наиболее энергичным образом Бонапарта, когда он уничтожил все права и дал тяжело почувствовать Франции свою железную руку.

Изменчивость толпы выражается только поверхностным образом; в сущности же в толпе действуют консервативные инстинкты, столь же несокрушимые, как и у всех первобытных людей. Она питает самое священное уважение к традициям и бессознательный ужас, очень глубокий, ко всякого рода новшествам, способным изменить реальные условия ее существования.

Но если толпа способна на убийство, поджоги и всякого рода преступления, то она способна также и на очень возвышенные проявления преданности, самопожертвования и бескорыстия, более возвышенные чем даже те, на которые способен отдельный индивид. Действуя на индивида в толпе и вызывая у него чувство славы, чести, религии и патриотизма, легко можно заставить его пожертвовать даже своей жизнью.

Случается очень часто, что даже совершенные негодяи, находясь в толпе, проникаются временно самыми строгими принципами морали.

Профессиональный вивер, зубоскал, оборванец и сутенер зачастую возмущаются, если в пьесе есть рискованные сцены и не совсем приличные разговоры, которые, однако, в сравнении с их всегдашними разговорами должны бы показаться очень невинными.

Каковы бы ни были идеи, внушенные толпе, они могут сделаться преобладающими не иначе, как при условии быть облеченными в самую категорическую и простую форму. В таком случае эти идеи представляются в виде образов, и только в такой форме они доступны толпе. Такие идеообразы не соединяются между собой никакой логической связью аналогии или последовательности и могут заменять одна другую совершенно так, как в волшебном фонаре одно стекло заменяется другой рукой фокусника, вынимающего их из ящика, где они были сложены вместе. Вот почему в толпе удерживаются рядом идеи самого противоречивого характера.

Только тогда, когда вследствие скрещивания человек очутился под влиянием различных наслед-

ственных импульсов, его поступки на самом деле становятся противоречивыми.

Не следует думать, что идея производит впечатление, даже на культурные умы, лишь в том случае, если доказана ее справедливость. Легко убедиться в этом, наблюдая, как мало действуют даже самые непреложные доказательства на большинство людей.

Нельзя утверждать абсолютным образом, что толпа не рассуждает и не подчиняется рассуждениям. Но аргументы, употребляемые ею, и те, которые на нее действуют, принадлежат с точки зрения логики к такому разряду, что разве только на основании аналогии их можно назвать рассуждениями.

Сцепление логических рассуждений совершенно непонятно толпе, вот почему нам и дозволяется говорить, что толпа не рассуждает или рассуждает ложно и не подчиняется влиянию рассуждений. Не раз приходится удивляться, как плохи в чтении речи, имевшие огромное влияние на толпу, слушавшую их. Не следует, однако, забывать, что эти речи предназначались именно для того, чтобы увлечь толпу, а не для того, чтобы их читали философы.

Суждения толпы всегда навязаны ей и никогда не бывают результатом всестороннего обсуждения. Но как много есть людей, которые не возвышаются в данном случае над уровнем толпы! Легкость, с которой распространяются иногда известные мнения, именно и зависит от того, что большинство людей не в состоянии составить себе частное мнение, основывающееся на собственных рассуждениях.

Как у всех существ, неспособных к рассуждению, воспроизводительная способность воображения толпы очень развита, очень деятельна, и очень восприимчива к впечатлениям. Вызванные в уме толпы каким-нибудь лицом образы, представление о каком-нибудь событии или случае по своей живости почти равняются реальным образам. Толпа до некоторой степени напоминает спящего, рассудок которого временно бездействует и в уме которого возникают образы чрезвычайно живые, но эти образы скоро рассеялись бы, если бы их можно было подчинить размышлению. Для толпы, неспособной ни к размышлению, ни к рассуждению, не существует поэтому ничего невероятного, а ведь невероятное-то всегда и поражает всего сильнее.

Вот почему толпа поражается больше всего чудесной и легендарной стороной событий. Подвергая анализу какую-нибудь цивилизацию, мы

видим, что в действительности настоящей ее опорой является чудесное и легендарное.

В истории кажущееся всегда играло более важную роль, нежели действительное, и нереальное всегда преобладает в ней над реальным.

Толпа, способная мыслить только образами, восприимчива только к образам. Только образы могут увлечь ее или породить в ней ужас и сдвигаться двигателями ее поступков.

Могущество победителей и сила государств именно-то и основываются на народном воображении. Толпу увлекают за собой, действуя главным образом на ее воображение. Все великие исторические события - буддизм, христианство, исламизм, реформа и революция и угрожающее в наши дни нашествие социализма - являются непосредственным или отдаленным последствием сильных впечатлений, произведенных на воображение толпы. Таким образом, все государственные люди всех веков и стран, включая сюда и абсолютных деспотов, всегда смотрели на народное воображение, как на основу своего могущества, и никогда не решались действовать наперекор ему.

Влиять на толпу нельзя, действуя на ее ум и рассудок, т.е. путем доказательств.

Образы, поражающие воображение толпы, всегда бывают простыми и ясными, не сопровождающимися никакими толкованиями, и только иногда к ним присоединяются какие-нибудь чудесные или таинственные факты: великая победа, великое чудо, крупное преступление, великая надежда. Толпе надо всегда представлять вещи в цельных образах, не указывая на их происхождение. Мелкие преступления и несчастные случаи вовсе не поражают воображения толпы, как бы они ни были многочисленны; наоборот, какой-нибудь крупный несчастный случай или преступление глубоко действуют на толпу, хотя бы последствия их были далеко не так пагубны, как последствия многочисленных, но мелких несчастных случаев и преступлений.

Не факты сами по себе поражают народное воображение, а то, каким образом они распределяются и представляются толпе.

Толпа бессознательно награждает таинственной силой политическую формулу или победоносного вождя, возбуждающего в данный момент ее фанатизм.

Религиозность обуславливается не одним только обожанием какого-нибудь божества; она выражается и тогда, когда все средства ума, подчинение воли, пылкость фанатизма всецело отдаются на службу какому-нибудь делу или существу, ко-

торое становится целью и руководителем помыслов и действий толпы.

Нетерпимость и фанатизм составляют необходимую принадлежность каждого религиозного чувства и неизбежны у тех, кто думает, что обладает секретом земного или вечного блаженства.

Все убеждения толпы имеют такие черты слепого подчинения, свирепой нетерпимости, потребности в самой неистовой пропаганде, которые присущи религиозному чувству; вот почему мы и вправе сказать, что верования толпы всегда имеют религиозную форму. Герой, которому поклоняется толпа, поистине для нее Бог.

Основатели религиозных или политических верований только потому могли достигнуть цели, что умели внушить толпе чувство фанатизма, заставляющее человека находить счастье в обожании и подчинении и с готовностью жертвовать своей жизнью для своего идола. Так было во все времена.

Не следует думать, что эти предрассудки прошлых веков окончательно изгнаны рассудком. В своей вечной борьбе против разума чувство никогда не бывало побежденным.

Незачем повторять здесь, что толпа нуждается в религии, так как все верования, политические, божественные и социальные, усваиваются ею лишь в том случае, если они облечены в религиозную форму, недопускающую оспариваний.

Если бы было возможно заставить толпу усвоить атеизм, то он выразился бы в такой же пылкой нетерпимости, как и всякое религиозное чувство, и в своих внешних формах скоро превратился бы в настоящий культ.

Реформа, Варфоломеевская ночь, религиозные войны, инквизиция, террор - все это явления тоже-ственные, совершенные толпой, воодушевленной религиозными чувствами, которые необходимым образом требуют истребления огнем и мечом всего того, что противится упрочению нового верования. Методы инквизиции - это методы всех искренно убежденных людей, и эти люди не были бы таковыми, если бы употребляли другие методы.

Народ - это организм, созданный прошлым, и как всякий организм, он может быть изменен не иначе, как посредством долгих наследственных накоплений.

Люди руководствуются традициями особенно тогда, когда они находятся в толпе, причем меняются легко только одни названия, внешние формы.

Ни один пример не показывает лучше этого, какую власть имеют традиции над душой толпы.

Не в храмах надо искать самых опасных идолов, и не во дворцах обитают наиболее деспотические из тиранов. И те, и другие могут быть разрушены в одну минуту. Но истинные, невидимые властелины, царящие в нашей душе, ускользают от всякой попытки к возмущению и уступают лишь медленному действию веков.

Идеи - это дочери прошлого и матери будущего и всегда - рабыни времени!

Надо изучить отдельно законы и учреждения каждого народа, чтобы составить себе ясное понятие о том, до какой степени они служат выражением потребностей расы и уже поэтому не могут быть изменены насильственным образом.

Народы управляются свойствами своего характера, и такие учреждения, которые не соответствуют самым точным образом

характеру расы, представляют собой не что иное, как заимствованные одежды, временное переодевание.

Толпа несколько напоминает сфинкса из античной сказки: надо или научиться разрешать загадки, предлагаемые нам ее психологией, или же безропотно покориться тому, что толпа поглотит нас.

Изучая воображение толпы, мы видели, что на него очень легко действовать, в особенности образами. Такие образы не всегда имеются в нашем распоряжении, но их можно вызывать посредством умелого применения слов и формул. Искусно обработанные формулы получают действительно ту магическую силу, которая им приписывалась некогда адептами магии. Они могут возбудить в душе толпы самые грозные бури, но умеют также и успокаивать их. Можно было бы воздвигнуть пирамиду, гораздо более высокую, чем пирамида Хеопса, из костей лишь тех людей, которые пали жертвами могущества слов и формул.

Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу.

Таковы, например, термины: демократия, социализм, равенство, свобода и т.д., до такой степени неопределенные, что

даже в толстых томах не удается с точностью разъяснить их смысл.

Между тем, в них, несомненно, заключается магическая сила, как будто на самом деле в них скрыто разрешение всех проблем. Они образуют синтез всех бессознательных разнообразных стремлений и надежд на их реализацию.

Ни рассудок, ни убеждение не в состоянии бороться против известных слов и известных формул. Они произносятся перед толпой с благоговением, и тотчас же выражение лиц становится почтительным, и головы склоняются. Многие смотрят на них как на силы природы или сверхъестественные силы. Они вызывают в душе грандиозные и смутные образы, и окружающая их неопределенность только увеличивает их таинственное могущество. Они являются таинственными божевами, скрытыми позади скинии, к которым верующие приближаются с благоговейной дрожью.

Начиная с самой зари цивилизации, толпа постоянно подпадала под влияние иллюзий. Наибольшее число храмов, статуй и алтарей было воздвигнуто именно творцам иллюзий. Некогда властвовали религиозные иллюзии, теперь на сцену выступают философские и социальные, но эти грозные владычицы всегда находились во главе цивилизаций, последовательно развивавшихся на нашей планете. Во имя иллюзий сооружались храмы Халдеи и Египта, средневековые религиозные здания, и во имя этих же иллюзий совершился переворот в Европе сто лет тому назад. Все наши художественные, политические или социальные понятия непременно носят на себе могущественный отпечаток иллюзий. Человек иногда повергает в прах эти иллюзии ценой ужасных переворотов, но он всегда бывает вынужден снова извлечь их из-под развалин.

Необходимость постоянно менять свою речь сообразно с производимым ею в ту минуту впечатлением, заранее осуждает на неуспех всякие подготовленные и заученные речи. В такой речи оратор следит только за развитием своей собственной мысли, а не за развитием мыслей своих слушателей, и уже поэтому одному влияние его совершенно ничтожно.

Логические умы, привыкшие всегда иметь дело с целой цепью рассуждений, вытекающих одно из другого, непременно прибегают к такому же способу убеждения, когда обращаются к толпе, и всегда бывают изумлены тем, как мало действуют на нее аргументации. Попробуйте подействовать рассуждениями на примитивные умы, на дикарей или детей, например, и вы тогда вполне убедитесь, как мало значения имеет подобный метод аргументации.

Каждая раса заключает в своей духовной организации те законы, которые управляют ее судьбой, и быть может, она повинуетя именно этим законам, движимая роковым инстинктом во всех своих

побуждениях, даже явно самых безрассудных. Иногда нам кажется, что народы подчиняются тайным силам, подобным тем, которые заставляют желудь развиваться постепенно в дуб и вынуждают комету двигаться по своей орбите.

Лишь только известное число живых существ соберется вместе, все равно, будет ли то стадо животных или толпа людей, они инстинктивно подчиняются власти своего вождя. В толпе людей вождь часто бывает только вожаком, но, тем не менее, роль его значительна. Его воля представляет то ядро, вокруг которого кристаллизуются и объединяются мнения. Он составляет собой первый элемент организации разнородной толпы и готовит в ней организацию сект. Пока же это не наступит, он управляет ею, так как толпа представляет собой рабское стадо, которое не может обойтись без властелина.

Вожак обыкновенно сначала сам был в числе тех, кого ведут; он так же был загипнотизирован идеей, апостолом которой сделался впоследствии. Эта идея до такой степени завладела им, что все вокруг исчезло для него, и всякое противное мнение ему казалось уже заблуждением и предрассудком. Потому-то Робеспьер, загипнотизированный идеями Руссо, и пользовался методами инквизиции для их распространения.

Обыкновенно вожаки не принадлежат к числу мыслителей - это люди действия. Они не обладают проницательностью, так как проницательность ведет обыкновенно к сомнениям и бездействию. Чаще всего вожаками бывают психически неуравновешенные люди, полупомешанные, находящиеся на границе безумия. Как бы ни была нелепа идея, которую они защищают, и цель, к которой они стремятся, их убеждения нельзя поколебать никакими доводами рассудка. Презрение и преследование не производят на них впечатления или же только еще сильнее возбуждают их. Личный интерес, семья - все ими приносится в жертву. Инстинкт самосохранения у них исчезает до такой степени, что единственная награда, к которой они стремятся, - это мученичество. Напряженность их собственной веры придает их словам громадную силу внушения. Толпа всегда готова слушать человека, одаренного сильной волей и умеющего действовать на нее внушительным образом. Люди в толпе теряют свою волю и инстинктивно обращаются к тому, кто ее сохранил.

В вожаках у народов никогда не бывало недостатка, но эти вожаки всегда должны были обладать очень твердыми убеждениями, так как только та-

кие убеждения создают апостолов. Часто вожаками бывают хитрые ораторы, преследующие лишь свои личные интересы и действующие путем поблажки низким инстинктам толпы. Влияние, которым они пользуются, может быть и очень велико, но всегда бывает очень эфемерно. Великие фанатики, увлекавшие душу толпы, Петр Пустынник, Лютер, Савонарола, деятели революции, только тогда подчинили ее своему обаянию, когда сами подпали под обаяние известной идеи.

Тогда им удалось создать в душе толпы ту грозную силу, которая называется верой и содействует превращению человека в абсолютного раба своей мечты.

Роль всех великих вожаков главным образом заключается в том, чтобы создать веру, все равно, религиозную ли, политическую, социальную, или веру в какое-нибудь дело, человека или идею, вот почему их влияние и бывало всегда очень велико. Из всех сил, которыми располагает человечество, сила веры всегда была самой могущественной, и не напрасно в Евангелии говорится, что вера может сдвинуть горы. Дать человеку веру - это удешевить его силы. Великие исторические события произведены были безвестными верующими, вся сила которых заключалась в их вере. Не ученые и не философы создали великие религии, управлявшие миром и обширные царства, распространявшиеся от одного полушария до другого!

Во всех этих случаях, конечно, действовали великие вожаки, а их не так много в истории. Они образуют вершину пирамиды, постепенно спускающейся от этих могущественных властителей над умами толпы до того оратора, который в дымной гостинице медленно подчиняет своему влиянию слушателей, повторяя им готовые формулы, смысла которых он сам не понимает, но считает их способными непременно повести за собой реализацию всех мечтаний и надежд.

Во всех социальных сферах, от самых высших до низших, если только человек не находится в изолированном положении, он легко подпадает под влияние какого-нибудь вожака. Большинство людей, особенно в народных массах, за пределами своей специальности не имеет почти ни о чем ясных и более или менее определенных понятий. Такие люди не в состоянии управлять собой, и вождь служит им руководителем.

Власть вожаков очень деспотична, но именно этот деспотизм и заставляет ей подчиняться. Не трудно убедиться, как легко они вынуждают рабочие классы, даже самые буйные, повиноваться се-

бе, хотя для поддержания своей власти у них нет никаких средств. Они назначают число рабочих часов, величину заработной платы, организуют стачки и заставляют их начинаться и прекращаться в определенный час.

В душе толпы преобладает не стремление к свободе, а потребность подчинения; толпа так жаждет повиноваться, что инстинктивно покоряется тому, кто объявляет себя ее властелином.

Утверждение тогда лишь оказывает действие, когда оно повторяется часто и, если возможно, в одних и тех же выражениях. Кажется, Наполеон сказал, что существует только одна заслуживающая внимания фигура риторики - это повторение. Посредством повторения идея водворяется в умах до такой степени прочно, что в конце концов она уже принимается как доказанная истина.

Влияние утверждения на толпу становится понятным, когда мы видим, какое могущественное действие оно оказывает на самые просвещенные умы. Это действие объясняется тем, что часто повторяемая идея в конце концов врезается в самые глубокие области бессознательного, где именно и вырабатываются двигатели наших поступков.

В толпе идеи, чувства, эмоции, верования - все получает такую же могущественную силу заразы, какой обладают некоторые микробы. Это явление вполне естественное, и его можно наблюдать даже у животных, когда они находятся в стаде. Паника, например, или какое-нибудь беспорядочное движение нескольких баранов быстро распространяется на целое стадо. В толпе все эмоции также точно быстро становятся заразительными, чем и объясняется мгновенное распространение паники. Умственные расстройства, например, безумие, также обладают заразительностью. Известно, как часто наблюдаются случаи умопомешательства среди психиатров, а в последнее время замечено даже, что некоторые формы, например агорафобия, могут даже передаваться от человека животным.

Мнения и верования распространяются в толпе именно путем заразы, а не путем рассуждений, и верования толпы всех эпох возникали посредством такого же точно механизма: утверждения, повторения и заразы. Ренан совершенно справедливо сравнивает первых основателей христианства "с рабочими социалистами, распространяющими свои идеи по кабакам". Вольтер также говоря о христианской религии, сказал, "что в течение более чем ста лет ее последователями была только самая презренная чернь".

Главное свойство обаяния именно и заключается в том, что оно не допускает видеть предметы в их настоящем виде и парализует всякие суждения.

Великие вожаки толпы: Будда, Магомет, Жанна д'Арк, Наполеон обладали в высшей степени именно такой формой обаяния и благодаря ей подчиняли себе толпу. Боги, герои и догматы внушаются, но не оспариваются; они исчезают, как только их подвергают обсуждению. Нации нуждаются в таких смелых людях, верующих в себя и преодолевающих все препятствия без внимания к своей собственной особе. Гений не может быть осторожен; руководствуясь осторожностью, он никогда не мог бы расширить круг человеческой деятельности.

Число великих общих верований очень невелико. Нарождение этих верований и их исчезновение составляют для каждой исторической расы кульминационные пункты ее истории и образуют истинный остов всякой цивилизации. Не трудно внушить толпе какое-нибудь преходящее мнение, но очень трудно утвердить в ее душе прочное верование, и также трудно уничтожить это последнее, когда оно уже установилось. Изменение таких установившихся верований достигается чаще всего лишь при помощи очень бурных революций, да и те в состоянии произвести это только тогда, когда верование почти совсем уже потеряло свою власть над душами. Революция же окончательно сметает то, что и так уже совсем расшатано, но держится лишь благодаря привычке; поэтому-то начинающаяся революция всегда знаменует конец какого-нибудь верования.

Лишь только какой-нибудь новый догмат утвердился в душе толпы, он немедленно становится вдохновителем всех ее учреждений, ее искусства и ее поведения. Власть его над душами абсолютна. Люди долго только и мечтают об его реализации, законодатели хлопчут об его применении в жизни, философы же, артисты и литераторы занимаются его разъяснением, воспроизводя его в различных формах. Из основного верования могут, конечно, возникнуть временные побочные идеи, но они всегда будут носить на себе отпечаток того верования из которого произошли; египетская цивилизация, средневековая европейская цивилизация, мусульманская цивилизация арабов - все они происходят из того небольшого числа религиозных верований, которые наложили свой отпечаток на самомалейшие элементы этих цивилизаций, вследствие чего можно с первого же взгляда распознать эти основные верования.

Итак, благодаря общим верованиям, люди каждой эпохи бывают окружены сетью традиций, мнений и привычек, от ига которых они не в состоянии избавиться и которые обуславливают их взаимное сходство. Эти верования управляют людьми так же, как и вытекающие из них обычаи, руководящие всеми малейшими актами нашего существования настолько, что даже самый независимый ум не может совершенно освободиться от их власти. Истинной тиранией может быть только такая, которая бессознательно действует на души, так как с нею нельзя бороться. Тиберий, Чингисхан, Наполеон, без сомнения, были опасными тиранами, но Моисей, Будда, Магомет и Лютер из глубины своих могил еще сильнее властвовали над душами. Заговор может свергнуть тирана, но что он может сделать против какого-нибудь прочно установившегося верования?

Единственные настоящие тираны, которых знало человечество, всегда были тени умерших или же иллюзии, созданные самим же человечеством. Нелепость многих общих верований с философской точки зрения никогда не препятствовала их торжеству. Даже более: торжество это только и возможно при условии, если в верованиях заключается какой-нибудь таинственный вздор; так что очевидная нелепость некоторых современных верований никак не может препятствовать им овладеть душою толпы.

Некогда говорили, что политика не должна быть делом чувства, но можно ли это сказать теперь, когда политика все более и более руководствуется импульсами непостоянной толпы, не признающей разума и подчиняющейся только чувству?

Без всякого сомнения, ясновидящие, апостолы, вожаки, одним словом, убежденные люди обладают совершенно иной силой, нежели отрицатели, критики и равнодушные. Но не следует забывать: при существующем могуществе толпы всякое мнение, обладающее достаточной степенью обаяния, чтобы овладеть ею, должно тотчас же получить такую тираническую власть, что эра свободных суждений прекратилась бы надолго.

Латинская толпа, как бы она ни была революционна или консервативна, непременно обратится к вмешательству государства для реализации своих требований. Эта толпа всегда обнаруживает склонность к централизации и цезаризму. Английская же или американская толпа не признает государства и всегда будет обращаться к частной инициативе. Французская толпа больше всего стоит за

равенство, английская – за свободу. Такие различия, существующие между расами, ведут к тому, что социализм и демократия представляют почти столько же разнообразных форм, сколько есть наций.

Душа расы вполне подчиняет себе душу толпы и имеет могущественную силу, ограничивающую ее колебания. Надо признать основным законом, что низшие свойства толпы выражаются тем слабее, чем сильнее в ней развита душа расы. Господство толпы означает варварство или же возвращение к варварству. Только путем приобретения прочно организованной души раса может избавиться мало-помалу от неразумной власти над ней толпы и выйти из состояния варварства.

Преступления толпы всегда вызваны каким-нибудь очень могущественным внушением, и индивиды, принявшие участие в совершении этого преступления, убеждены, что они исполнили свой долг, чего нельзя сказать об обыкновенном преступнике.

Присяжные прежде всего дают нам прекрасный пример того, как мало имеет значение, с точки зрения принятых решений, умственный уровень отдельных индивидов, входящих в состав толпы. Мы уже раньше говорили, что ум не играет никакой роли в решениях совещательного собрания, касающихся общих, а не исключительно технических вопросов. Суждения, высказанные относительно общих вопросов собранием каменщиков и бакалейщиков, мало отличаются от суждений ученых и артистов, когда они соберутся вместе для совещания по этим вопросам.

Присяжные, как и толпа, легко подчиняются влиянию чувств и очень мало - влиянию рассуждения.

Присяжные, как и всякая толпа, легко ослепляются обаянием, и хотя, как совершенно верно замечает де Гляже, они очень демократичны по своему составу, но тем не менее они всегда аристократичны в своих пристрастиях.

Всякий хороший адвокат должен больше всего заботиться о том, чтобы действовать на чувства присяжных, как действуют на чувства толпы; он не должен много рассуждать, если же он захочет прибегнуть к этому способу, то должен пользоваться лишь самыми примитивными формами рассуждений.

Оратору нет нужды привлекать на свою сторону всех присяжных - он должен привлечь только вожakov, которые дают направление общему мнению. Как во всякой толпе, так и тут, существует

лишь небольшое число индивидов, которые ведут за собой других.

Первым условием, которым должен обладать кандидат на выборах, является обаяние. Личное обаяние может быть заменено только обаянием богатства. Даже талант и гений не составляют серьезных условий успеха. Самое главное - это обаяние, т.е. возможность предстать перед избирателями, не возбуждая никаких оспариваний. Если избиратели, большинство которых состоит из рабочих и крестьян, так редко выбирают представителей из своей среды, то лишь потому что люди, вышедшие из их рядов, не имеют для них никакого обаяния. Если же случайно они выбирают кого-нибудь из своей среды, то это вызывается обыкновенно побочными причинами, желанием помешать какому-нибудь выдающемуся человеку, крупному хозяину рабочих, например, у которого сами избиратели находятся в постоянном подчинении. Поступая так, избиратели получают на время иллюзию власти над тем, кому всегда подчинялись.

Но обаяние не всегда, однако, служит залогом успеха. Избиратель хочет также, чтобы льстили его тщеславию и угождали его вожделиниям. Чтобы на него подействовать, надо осыпать его самой нелепой лестью и, не стесняясь, давать ему самые фантастические обещания. Если это рабочий, то надо льстить ему, браня его хозяина; что же касается соперника-кандидата, то надо стараться уничтожить его, распространяя о нем посредством утверждения, повторения и заразы мнение, что он последний из негодяев и что всем известно, как много он совершил преступлений.

Написанная программа кандидата не должна быть чересчур категоричной, так как противники могут ею воспользоваться и предъявить ему ее впоследствии; но зато словесная программа должна быть самой чрезмерной. Он может обещать без всяких опасений самые важные реформы. Все эти преувеличенные обещания производят сильное впечатление в данную минуту, в будущем же ни к чему не обязывают. В самом деле, избиратель обыкновенно несколько не старается узнать потом, насколько выбранный им кандидат выполнил обещания, которые, собственно, и вызвали его избрание.

Во всех этих случаях мы можем наблюдать действие тех самых факторов убеждения, о которых мы говорили раньше; мы снова встретимся с этими факторами при об'суждении действия слов и формул, обладающих, как известно, магической силой. Оратор, который умеет пользоваться ими,

поведет толпу за собой, куда хочет. Существуют выражения, которые всегда производят одно и то же действие, как бы они ни были избиты. Такой кандидат, который сумел бы отыскать новую формулу, хотя лишенную вполне определенного смысла, но отвечающую самым разнообразным стремлениям толпы, разумеется, может рассчитывать на безусловный успех.

Такова психология избирательной толпы; она не отличается ничем от психологии толпы других категорий и несколько не лучше и не хуже ее.

Но из всего вышесказанного я все же не вывожу заключения против всеобщей подачи голосов. Если бы от меня зависела судьба этого учреждения, то я бы оставил его в том виде, в каком оно существует теперь, руководствуясь практическими соображениями, вытекающими непосредственно из изучения психологии толпы. Без сомнения, неудобства всеобщей подачи голосов достаточно бросаются в глаза, и отрицать это невозможно. Нельзя отрицать также, что цивилизация была делом лишь небольшого меньшинства, одаренного высшими умственными способностями и занимающего верхушку пирамиды, постепенно расширяющейся книзу по мере того, как понижается умственный уровень различных слоев наций.

... раса имеет большое значение, и что учреждения и правительства играют лишь незначительную роль в жизни народов. Эти последние главным образом управляются душою расы, т.е. наследственными остатками, сумма которых собственно и составляет душу расы. Раса и цель насущных потребностей повседневной жизни - вот таинственные властелины, которые управляют судьбами нации.

Парламентский режим, впрочем, является идеалом всех современных цивилизованных народов, хотя в основу его положена та психологически неверная идея, что много людей, собравшихся вместе, скорее способны прийти к независимому и мудрому решению, нежели небольшое их число.

В парламентских собраниях мы встречаем черты, общие всякой толпе: односторонность идей, раздражительность, восприимчивость к внушению, преувеличение чувств, преобладающее влияние вожakov.

Парламентская толпа очень легко поддается внушению, и как во всякой толпе, внушение исходит от вожakov, обладающих обаянием.

Люди в толпе не могут обойтись без господина, и потому-то голосование какого-нибудь собрания обыкновенно служит выражением мнения лишь очень небольшого меньшинства.

Вожак действует главным образом не своими рассуждениями, а своим обаянием, и лучшим доказательством этого служит то, что если вследствие какой-нибудь случайности они лишаются обаяния, то вместе с этим исчезает и их влияние.

Обаяние вожakov имеет индивидуальный характер и не находится в зависимости ни от имени, ни от славы.

Толпа, повинующаяся вожaku, подчиняется лишь его обаянию, и сюда не примешивается никакое чувство интереса или благодарности. Поэтому-то вожак, обладающий достаточным обаянием, имеет почти абсолютную власть.

Способы убеждения, которыми пользуются вожак помимо своего обаяния, те же самые, что и во всякой другой толпе. Чтобы искусно пользоваться ими, вожак должен, хотя бы даже бессознательным образом, понимать психологию толпы и знать, как надо говорить толпе. В особенности ему должно быть известно обаяние известных слов, формул и образов. Он должен обладать совершенно специальным красноречием, преимущественно заключающимся в энергичных, хотя и совершенно бездоказательных, утверждениях и ярких образах, обранных весьма поверхностными рассуждениями.

Вожак может быть иногда умным и образованным человеком, но вообще эти качества скорее даже вредят ему, нежели приносят пользу. Ум делает человека более снисходительным, открывая перед ним сложность вещей и давая ему самому возможность выяснять и понимать, а также значительно ослабляет напряженность и силу убеждений, необходимых для того, чтобы быть проповедником и апостолом. Великие вожак всех времен, и особенно вожак революций, отличались чрезвычайной ограниченностью, причем даже наиболее ограниченные из них пользовались преимущественно наибольшим влиянием. ▲

Сокращённый вариант подготовил хозяин сайта "Русколань"